

**Сочинения графа П.И.
Капниста**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С69

С69 Сочинения графа П.И. Капниста: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 506 с.

ISBN 978-5-517-96994-1

ISBN 978-5-517-96994-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Графъ Степанъ Ивановичъ Ракинскій

ВОСПОМИНАНІЯ

о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Капнистѣ.

Отзывчивой и пылкою душою
На этотъ міръ печально онъ взиралъ,—
Отъ юныхъ дней, какъ солнце надъ землею,
Надъ нимъ парилъ высокій идеалъ.

I.

Передо мной трудная задача, въ первый разъ издать и выпустить въ свѣтъ не одно какое нибудь сочиненіе автора, а трудъ его цѣлой жизни, который до сихъ поръ оставался почти никому неизвѣстнымъ. Я думаю,—такое явленіе рѣдко. Не говоря о самомъ достоинствѣ произведенія, о яркомъ и звучномъ стихѣ, о простотѣ и художествѣ слога, о ясныхъ и глубокихъ основныхъ мысляхъ,—одна уже разработка нѣкоторыхъ историческихъ эпохъ, коихъ касаются эти сочиненія, казалось бы, давала право автору представить свой трудъ къ печати. Однако, кромѣ двухъ, трехъ коротенькихъ лирическихъ шэсокъ' появившихся подъ его инициалами въ 60-хъ годахъ въ „Современникѣ“, онъ ничего не печаталъ. Иногда, и то рѣдко, онъ читалъ свои стихи въ кругу знакомыхъ; и я не помню,—когда это случалось при мнѣ,—чтобы эти чтенія не вызывали восторга и удивленія. Всегда, въ такихъ случаяхъ, повторялись тѣ же восклицанія, къ какому бы кругу ни принадлежали слушатели: „Не грѣхъ ли вамъ! Зачѣмъ вы не печатаете?“ или: „Графъ! какъ можно прятать эти стихи?“ На что авторъ отвѣчалъ, улыбаясь: „Къ чему печатать! Кому теперь, въ нашъ вѣкъ, нужны стихи? Никто ихъ не

читаетъ. А ужь если они хороши, то не пропадутъ, ктонибудь ихъ вспомнить; дѣти, послѣ моей смерти, напечатають“

Если и приходило ему на минуту сомнѣніе въ правотѣ такого взгляда, то наши журнальные критики, въ своихъ отзывахъ о поэзіи современныхъ поэтовъ, убѣждали его еще сильнѣе, что онъ хорошо дѣлаетъ, что не печатаетъ. „Для кого писать?“ говорилъ онъ, „кто теперь понимаетъ поэзію? даже критика не вникаетъ въ это дѣло. Обязанность критики выдѣлить прекрасное отъ дурного, выяснить неопытному молодому таланту въ чемъ его достоинства и недостатки, вывести его на дорогу; публикѣ же указать на то, что стѣдуетъ ей вниманія. Въмѣсто того, подхватяютъ какуюнибудь чепуху, два, три неудачныхъ стиха, и давай ихъ вышучивать и всячески издѣваться надъ авторомъ. Изъ этого авторъ вынесетъ одно оскорбленіе, а публика развѣ позабудется шутловствомъ, да и то, иногда, ей станетъ противно;—но понятія о достоинствахъ, или хотя бы, о недостаткахъ автора, не будетъ у нея ни малѣйшаго. Такое направленіе критики приводитъ только къ полному равнодушію публики къ поэзіи“

Однако такое сознаніе не мѣшало поэту писать, добросовѣстно работать, совершенствоваться. Много ли людей такъ безкорыстно, глубоко любили поэзію и красоту, забывая свою личность, свое самолюбіе—не знаю.

Недавно, когда стали работать на Акрополѣ, чтобы поддержать и укрѣпить развалины Партеона, построили между колоннами перистилія лѣса до самаго верха. Археологи и любители конечно воспользовались этимъ, чтобы влѣзть на верхнюю часть постройки, и, главное, взглянуть на сохранившуюся фризу, изображающую панаѳнейскія торжества. Эта часть фризы, со дня когда ее вываяли художники изъ школы Фидія,—вѣроятно по его рисункамъ,—была до сихъ поръ почти невидима, такъ какъ находится на громадной высотѣ, подъ широкимъ навѣсомъ потолка, совсѣмъ въ тѣни. И что же? Выполнена она съ такимъ же изяществомъ и доброто-

вѣстностью, какъ и всѣ остальные украшенія храма. Такъ же восхитительны по своему движенію и реальности фигуры всадниковъ и коней, такъ же тонко закончена работа. Да развѣ для того, чтобы люди любовались работали эти художники? Они не забывали, что украшали храмъ, что Божество все видитъ и что для Него все должно быть прекрасно,—и то, что выставлено на показъ, и то, что остается невидимымъ для людей. Такъ думали древніе художники, а впоследствии и всѣ, кто истинно заслуживалъ имя художника. Такъ думалъ и покойный поэтъ, трудъ котораго теперь передъ нами. Онъ ревностно, съ любовью и достойной удивленія скромностью, работалъ всю жизнь въ тишинѣ и уединеніи своего внутренняго храма, только, чтобы достойно служить Божеству, которое онъ звалъ тройнымъ именемъ: Правды, Добра и Красоты.

На насъ лежитъ теперь долгъ воздать справедливость его твореніямъ, проникнутымъ его свѣтлымъ духомъ, его искреннимъ и неустаннымъ стремленіемъ къ совершенству.

II.

Для того, чтобы дать вѣрную характеристику чело-вѣка, надо вникнуть не только въ условія его личной жизни,—но и въ условія жизни и обстоятельствъ его страны, его семьи, его традицій,—всего того, что составляетъ ту сторону характера, которую мы зовемъ „врожденной“, ту, которую почти что помимо сознательной воли, чело-вѣкъ получаетъ отъ окружающей его среды. Въ дѣтствѣ и юношествѣ чело-вѣкъ особенно воспримчивъ къ этимъ вліяніямъ; позже, когда въ немъ созрѣетъ сознание и укрѣпится воля, онъ можетъ или сохранить эти первыя впечатлѣнія, или перейти къ совершенно другимъ понятіямъ; однако, рѣдко случалось, чтобы эти, такъ называемыя, *врожденные* черты исчезали бы совершенно. Онѣ дремлютъ въ глубинѣ нашего естества, какъ энергія растенія въ сухомъ сѣмени. Упади оно на подходящую почву, при малѣйшей влагѣ

оно оживится и произведетъ свой прежній, особенный цвѣтъ и плодъ. Посвятимъ же нѣсколько страницъ предкамъ и семейнымъ традиціямъ нашего поэта.

Родъ Капнистовъ, или Капнисси идетъ изъ далека, изъ Ионическаго острова Закиноа,—Занте, расположеннаго съ западной стороны отъ береговъ Пелопонеза. На этомъ вулканическомъ островѣ бывають частыя землетрясенія; съ древности извѣстны его смоляные источники и нефтяные колодцы, о которыхъ говоритъ еще Геродотъ. Какъ это всегда бываетъ въ вулканическихъ странахъ, природа щедро одарила Занте плодovitостью, и такой изящной растительностью, что владѣвшіе имъ въ средніе вѣка Венеціанцы назвали его цвѣткомъ востока, „fior di Levante“. И правда; нѣтъ словъ, чтобы описать красоту и пышность его цвѣтовъ,—той страны, гдѣ миртъ, лавръ, олеандръ, гіерань, растутъ, какъ у насъ простой бурьянъ. Вѣчный плескъ моря, вліяя на чувствительное и даровитое ухо Ионическихъ племенъ, съ самыхъ давнихъ поръ заселившихъ островъ, развило въ нихъ талантъ къ музыкѣ и поэзіи. Въ древности жилъ на Закиноѣ знаменитый музыкантъ Пиагоръ¹⁾, въ началѣ же нашего столѣтія тамъ родился поэтъ греческаго возрожденія—Саломосъ и поэтъ Фдсколо, писавшій по-итальянски. Въ ихъ честь назвали Занте островомъ поэтовъ.

На востокъ, по берегу моря, идутъ холмы и возвышается вулканическая гора Скопосъ; на Западъ—кременистая гряда горъ; внутри острова,—обширная плодотносная равнина, прекрасно обработанная, и самой природой сотворенная будто громадная чаша, углубленная среди горныхъ береговъ, въ которой отъ жаркаго солнца лучше зрѣетъ сладкій виноградъ. По поводу лозы, производящей коринку, — главную доходную статью острова, — встрѣчается въ архивахъ города Занте имя Θεодора Капнисси, привезшаго этотъ видъ лозы изъ Коринѣа въ 1511 году, и введшаго эту культуру на родномъ

¹⁾ Не философъ, а другой.

островѣ, что не мало послужило процвѣтанію и богатству Занте. Родъ Капнисси былъ знатенъ и богатъ ¹⁾, но главное, всегда отличался глубокимъ патриотизмомъ. Когда Занте принадлежалъ венеціанской республикѣ, православные греки Капнисси не измѣнили своей религіи и національности. Когда республика воевала съ Турками,—многіе изъ семьи Капнисси не только сами отправлялись воевать за одно съ Венеціанцами, но и богатства свои употребляли на вооруженіе цѣлыхъ отрядовъ. Случалось, что они совершенно разорялись такимъ образомъ, и Республика, въ благодарность за ихъ помощь, выдавала имъ пенсію или дарила новую собственность ²⁾).

Въ 1499 году Петръ Капниссисъ воевалъ съ венеціанцами противъ султана Баязета; въ 1502 году былъ вознагражденъ Республикой за военные заслуги во время турецкихъ войнъ, и предъидущихъ,—флорентинскихъ.

Самый воинственный и выдающійся изъ семьи былъ Стамателло Капниссисъ, сражавшійся со своимъ отрядомъ при островѣ Левкадѣ, или Санта Мавра, подъ начальствомъ венеціанскаго полководца Морозини въ 1684 году ³⁾).

О немъ сохранилось сказаніе, записанное въ хроникѣ архіепископа Николая Катрамиса. Во время войнъ съ венеціанцами противъ турокъ, Капниссисъ взялъ въ плѣнъ оттоманскій корабль, на которомъ, между прочими, находился юноша, почти мальчикъ, Джанумъ. Сжалившись надъ нимъ, по случаю его молодости, капитанъ Капниссисъ не зачислилъ его въ списокъ плѣнниковъ и отпустилъ его на свободу. Такое поведеніе поражало своей гуманностью въ тѣ времена, когда разныя жестокости входили въ нравы воюющихъ сторонъ, какъ

¹⁾ Въ 1400 годахъ встрѣчается, въ Архивахъ Венеціанской Республики, сохраняющихся въ Венеціи, въ монастырѣ „dei Frari“, имя Андрея Капнисси, кавалера ордена св. Марка.

²⁾ Изъ родовыхъ документовъ семьи Капнисси.

³⁾ Свѣдѣнія о родѣ Капнисси почерпнуты мной изъ семейныхъ документовъ времени венеціанской Республики, изъ Архива города Занте и изъ исторіи Хіотиса.

напр. слѣдующій случай: Далматы, побѣдившіе на своей границѣ турецкій отрядъ, послали головы убитыхъ въ Венецію, гдѣ ихъ выставляли на площади Св. Марка, въ видѣ украшенія. Тогда за каждую турецкую голову республика платила два цехина ¹⁾). Понятно, что молодой Джанумъ не забылъ благодѣтеля.

Послѣ славныхъ войнъ и побѣдъ Морозини, когда умеръ этотъ великій полководецъ, настало для Республики время полной деморализаціи и упадка. Наслаждаться миромъ и жить въ роскоши,—вотъ одно, къ чему стремились венеціанцы, и до того усердно сохраняли нейтралитетъ во время войны австрійцевъ съ бурбонами изъ-за испанскаго престолонаслѣдія, такъ трусили быть замѣшанными въ войну, что потеряли свой политическій авторитетъ. Турки, видя ихъ упадокъ и ихъ боязнь войны, воспользовались, и сами объявили имъ войну. Они явились въ 1716 году въ Корфу,—важномъ стратегическомъ укрѣпленномъ пунктѣ, у входа въ Адриатическое море. Тутъ произошла знаменитая осада и прекрасная защита подъ командой графа Шуленбурга. Видя, что Корфу не сдастся, турки были наконецъ принуждены оставить этотъ островъ, который имъ стоилъ много крови. Капитанъ-паша былъ никто иной, какъ Джанумъ ²⁾). Онъ намѣревался мимоходомъ напасть на островъ Занте, плохо укрѣпленный, съ малочисленнымъ венеціанскимъ гарнизономъ; но, вспомнивъ, что его благодѣтель Капниссисъ живетъ на Занте, Джанумъ послалъ предупредить его, что будетъ бомбардировать городъ, и совѣтывалъ ему спастись. Тогда старикъ Капниссисъ объявилъ это извѣстіе властямъ, чтобы онѣ нѣсколко приняли всевозможныя мѣры для защиты, а самъ отправился на корабль къ Джанумъ-пашѣ, сказать ему, что онъ роднаго города не покинетъ въ минуту опасности, но умоляетъ его вспомнить о дарованной ему свободѣ, и въ свою очередь, пощадить отечество Капнисси. Джанумъ

¹⁾ Histoire de Venise Daru Livre XXXIV.

²⁾ Daru. Hist. Ven. тамъ же.

оказалъ это великодушіе. Къ всеобщей радости и удивленію, турецкій флотъ прошелъ мимо Занте. Такимъ образомъ старикъ Капнссисъ спасъ родной островъ.

Еще въ 1702 году, при дожѣ Алоизіи Мочениго, Стамателло Капнссисъ со своими потомками былъ пожалованъ въ графское достоинство за его прежнія военныя заслуги. Въ 1711 году внукъ его, графъ Петръ Христофоровичъ, такой же восторженный патриотъ какъ и дѣдъ его, узнавъ о походѣ Петра Великаго противъ турокъ, задумалъ взойти съ нимъ въ сношенія. Онъ послалъ своего молодого сына въ русскую армію, а самъ, чтобы помочь русскимъ въ ихъ войнѣ съ Турціей, захотѣлъ устроить диверсію на берегахъ Турціи. Продавъ все свое имѣніе, онъ опять сооружилъ на свои средства цѣлый отрядъ добровольцевъ, съ которымъ и отправился противъ турокъ, несмотря на запрещеніе венеціанскаго правительства. Если-бъ въ то время венеціанцы не были столь малодушны, и воспользовались бы русской войной, чтобы съ своей стороны ослабить власть султана, — они доказали бы большую ловкость, и имъ не пришлось бы потерять въ 1727 году весь Пелопонезъ. Неминуемую войну съ Турціей, они предупредили бы удачнымъ нападеніемъ въ ту минуту, когда врагъ былъ занятъ борьбой съ Россіей, и тѣмъ упрочили бы свое положеніе на Архипелагѣ и обрѣли бы могучаго союзника въ Петрѣ Великомъ. Въмѣсто этого, они блѣднѣли при одной мысли о войнѣ и даже подданнымъ своимъ, подъ угрозой смертной казни, запрещали что-либо предпринимать противъ турокъ. Узнавъ о печальномъ исходѣ битвы Петра Великаго при рѣкѣ Прутѣ, — что оставалось дѣлать Петру Христофоровичу съ его отрядомъ и галлерами на берегахъ Турціи? Возвратиться въ Занте, въ руки венеціанскаго правительства было немислимо. Вполнѣ разоренный онъ бѣжалъ въ Россію подъ покровительство Петра Великаго, но во время пути заболѣлъ и умеръ.

Сынъ графа Петра Христофоровича, — Василій Петровичъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ отправившійся въ Рос-

сію воевать противъ турокъ, — личность очень яркая. Его жизнь могла бы служить для цѣлой исторической повѣсти, такъ полна она разныхъ превратностей и героическихъ чертъ. Историкъ Малороссіи, Бантышъ-Каменскій, говоритъ о немъ: „Сей отважный воинъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ въ Малороссіи, былъ родомъ грекъ, началъ службу свою подъ знаменами Петра Великаго въ несчастный Прутскій походъ“¹⁾. Послѣ смерти отца своего, Василій Петровичъ остался въ Россіи, записался въ Запорожскіе казаки, и, такимъ образомъ, пересталъ носить свой венеціанскій титулъ. Даже фамилію его „Капниссисъ“ малороссы измѣнили въ „Капнисть“.

Проѣзжая черезъ городъ Изюмъ, онъ случайно познакомился съ богатымъ и бездѣтнымъ изюмскимъ сотникомъ, Павлюкомъ, который такъ полюбилъ молодого Капниста, что принялъ къ себѣ за сына, и женилъ на дочери зажиточнаго греческаго купца, Согдена, отдавашаго ему, вмѣстѣ съ невѣстой, все свое состояніе. Торговля съ турецкими берегами еще болѣе обогатила Капниста.

На Малороссію, какъ извѣстно, нападали въ то время разные кочевники; въ 1734 году опустошала Запорожье калмыцкій владѣлецъ Дондукъ Омбо (впослѣдствіи, — союзникъ Россіи), вмѣстѣ съ ногайцами и татарами. Запорожцы обратились за помощью къ изюмскому сотнику Павлюку. Молодой Капнисть собралъ наскоро казаковъ, взялъ съ собой двѣ пушки, настигъ Дондука въ степяхъ, разбилъ его и отразилъ отъ изюмскихъ предѣловъ. Онъ возвратился въ Изюмъ съ богатой добычей и множествомъ плѣнныхъ. За это отличіе его произвели въ сотники Слободскаго полка²⁾.

Послѣ усмиренія такъ называемыхъ гайдамаковъ, или кочевниковъ-разбойниковъ, Капнисть воевалъ почти не

¹⁾ О В. П. Капнисть см. Бантышъ-Каменскій исторія Малороссіи, часть 3-я глава XLIV.

²⁾ Справочный Энциклопед. Словарь, и Военный Энциклопедич. Лексиконъ.